

Брак и любовь

В соответствии с обыденными представлениями любовь и брак являются синонимами, проистекают из одного источника и отвечают одним и тем же человеческим потребностям. Но, как и большинство обыденных представлений, это основывается не на действительных фактах, а на предрассудках.

У брака и любви нет ничего общего, они так же противоположны как полюса, на самом деле они антагонистичны по отношению друг к другу. Без сомнения, некоторые браки выросли из любви. Но это не потому, что любовь может утвердить себя только через брак. Напротив, это скорее объясняется тем, что лишь немногие люди смогли перерасти рамки обычая. Сегодня есть огромное количество мужчин и женщин, для которых брак является ничем иным как фарсом, но которые подчиняются этому установлению исключительно в силу влияния общественного мнения. В любом случае, хотя некоторые браки действительно основаны на любви, несмотря на то, что в иногда любовь продлжается и в браке, я считаю, что это происходит независимо от брака, а вовсе не благодаря ему.

С другой стороны, совершенно ложным является представление, что любовь может быть результатом брака. Иногда нам приходится слышать о чудесных случаях, когда поженившись люди влюбляются друг в друга, но пристальное рассмотрение этих случаев покажет, что это является лишь привыканием к неизбежному. Конечно же, постепенное привыкание друг к другу не имеет ничего общего со спонтанностью, интенсивностью и красотой любовного чувства, без которого интимная сторона брака скорее всего окажется унижительной как для мужчины, так и для женщины.

Брак прежде всего является экономической сделкой, договором о страховании. Он отличается от обычной страховки жизни лишь тем, что эта сделка более связывающая, более требовательная. Доходы от нее значительно меньше вложенных в нее средств. При страховании каждый платит в долларах и центах и всегда волен прекратить взносы. Если, однако, страховой премией женщины является ее супруг, она платит за это своим именем, уединением, самоуважением и самой жизнью, «пока смерть не разлучит их». Более того, брачная страховка обрекает ее на пожизненную зависимость, на паразитизм, на полную бесполезность, как личную, так и общественную. Мужчина также платит свою долю, но, поскольку его возможности шире, брак не ограничивает его в той мере, как женщину. Свои оковы он ощущает больше в экономическом плане.

Поэтому строки, которые Данте поместил над входом в ад, — «Оставь надежду всяк сюда входящий» — в равной степени могут быть отнесены и к браку.

Брак это неудача которую будут отрицать разве что самые глупые люди. Достаточно лишь бросить взгляд на статистику разводов, чтобы понять какой неудачей на самом деле является институт брака. Для понимания этой статистики не годятся типичные

филистерские аргументы, говорящие о том, что мягкость законов о разводе и растущая распущенность женщин. Во-первых, каждый двенадцатый брак оканчивается разводом; во-вторых, число разводов на тысячу человек увеличилось начиная с 1870 г. с 28 до 73; в-третьих, супружеские измены как причина для развода увеличились на 270,8% начиная с 1867 г.; в-четвертых, число уходов из семьи выросло на 369,8%. [1]

Вдобавок к статистике существует и большое количество произведений, драматических и литературных, проливающих дополнительный свет на эту тему. (...) многие писатели раскрывают бесплодность, монотонность, убожество и неадекватность брака как фактора достижения гармонии и понимания между людьми.

Серьезный социальный исследователь не должен удовлетворяться распространенным поверхностным объяснением этого феномена. Он должен копнуть глубже саму жизнь двух полов, чтобы узнать почему брак оказывается такой катастрофой.

Эдуард Карпентер замечает, что за каждым браком стоит соединение двух миров, мужского и женского, настолько отличающихся один от другого, что мужчина и женщина должны оставаться чужими. Огражденный непреодолимой стеной предрассудков, обычаев, привычек, едва ли брак предполагает совершенствование знаний друг о друге, уважения друг к другу, без которых любой союз обречен на неудачу.

Генрик Ибсен, ненавидевший любое социальное притворство, возможно, был первым, кто осознал эту великую истину. Нора [2] уходит от своего мужа не потому (как отметил бы недалекий критик), что она устала от своих обязанностей или же чувствует потребность бороться за права женщин, но потому, что пришла к выводу: восемь лет она прожила с чужим человеком и родила ему детей. Может ли быть что-либо более унижительное, чем союз двух чужих существ длиною в жизнь? Женщине незачем знать что-либо о мужчине, она должна беспокоиться лишь о его доходах. А что мужчине следует знать о женщине помимо того, что у нее приятная внешность? Мы не переросли еще библейского мифа о том, что у женщины нет души, что она всего-навсего придаток мужчины, создана из его ребра, для удобства джентльмена, который был так силен, что боялся собственной тени.

А может, низкое качество материала, из которого создали женщину, и было причиной ее неполноценности? Так или иначе, у женщины нет души — так зачем что-либо знать о ней? К тому же, чем меньше у нее души, тем лучше ее качества как жены, тем с большей готовностью растворится она в своем муже. Эта рабская покорность мужскому превосходству в течение столь долгого времени сохраняла институт брака сравнительно неприкосновенным. Ныне, когда женщина начинает осознавать свое значение, осознавать себя как существо, над которым не властен хозяин, священный институт брака постепенно теряет свою роль, и никакое сентиментальное оплакивание этому не поможет.

Почти с младенчества девочке твердят о браке как о конечной цели; поэтому ее воспитание и образование подчинены именно этому. Подобно бессловесной твари, откармливаемой на убой, ее готовят к браку. Тем не менее, как это ни странно, ей позволено куда меньше знать о своем назначении жены и матери, нежели обыкновенный ремесленник знает о своем ремесле. Для девочки из уважаемой семьи неприлично и непристойно знать что-либо

об интимной жизни. Во имя малопонятной респектабельности брак выдает грязь и мерзость за чистейшее и самое священное соглашение, которое никто не посмеет подвергать сомнению или критике. Именно таково отношение к браку у среднего его сторонника. Будущую жену и мать держат в полном неведении о единственном ее конкурентоспособном достоинстве — сексе. Таким образом, она вступает в пожизненные отношения с мужчиной для того лишь, чтобы почувствовать потрясение, неприязнь, оскорбление сверх меры от самого естественного и здорового инстинкта, каким является секс. Не задумываясь можно утверждать, что большая доля несчастий, нищеты, нужды и физических страданий в супружестве является следствием преступного невежества в вопросах секса, невежества, которое выдают за величайшую из добродетелей. Не будет преувеличением сказать, что не одна семья распалась по причине этого прискорбного факта.

Если, однако, женщина достаточно свободна, если она достаточно созрела для того, чтобы проникнуть в тайны секса без санкции государства или церкви, ее заклеят позором, объявят недостойной стать женой «порядочного» человека, вся порядочность которого заключена лишь в пустой голове и куче денег. Может ли быть что-либо более оскорбительное, чем мысль о том, что здоровая взрослая женщина, полная жизни и страсти, должна противиться потребностям природы, должна укрощать самое страстное свое желание, подрывая тем свое здоровье и сламливая дух, должна ограничивать себя в мечтах и видениях, воздерживаться от глубокого и великолепного сексуального влечения, пока не появится «порядочный» человек и не возьмет ее в жены? Именно это и означает брак. Разве может такой союз завершиться иначе, нежели крахом? Вот один, и далеко не последний, фактор брака, отличающий его от любви.

Наш век — век практицизма. Времена, когда Ромео и Джульетта во имя любви рисковали гневом своих отцов, когда ради любви Гретхен не стыдилась пересудов кумушек, давно прошли. Если, в редких случаях, молодые люди позволяют себе роскошь романтики, тут же вмешиваются старшие, вдалбливая в них премудрость, покуда те не «наберутся ума».

Урок нравственности, который преподносят девочке, заключается не в том, возбудил ли в ней мужчина любовь, он сводится к одному вопросу: «Сколько?» Единственное божество практичных американцев — деньги; главный вопрос жизни: «Может ли мужчина заработать на жизнь? Сможет ли он содержать жену?» Это единственное, что оправдывает брак. Постепенно эти представления пропитывают каждую мысль девушки; она мечтает не о лунном свете и поцелуях, о смехе и слезах; она мечтает о дешевых магазинах и выгодных покупках. Эта скудость души и скаредность порождены институтом брака. Государство и церковь не признают другого идеала, поскольку он единственный, который позволяет государству и церкви полностью контролировать людей.

Без сомнения, есть люди, продолжающие смотреть на любовь, не обращая внимания на доллары и центы. Эта истина особенно очевидна по отношению к тому классу, который вынужден заботиться о себе сам, своим трудом. Колоссальные перемены в положении женщины, порожденные этим мощным фактором, поистине феноменальны, особенно если помнить, что на промышленной арене женщина оказалась совсем недавно. Шесть миллионов работающих женщин; шесть миллионов женщин, уравненных с мужчинами в праве быть эксплуатируемыми, ограбленными, участвовать в забастовках и даже умирать с

голоду. Продолжать, мой господин? Да, шесть миллионов, занятых в самых разных отраслях: от высочайшего умственного труда до шахт и железных дорог; да что там, среди них есть даже сыщики и полицейские. Воистину, полная эмансипация!

Наряду со всем этим лишь весьма незначительное число из огромной армии женщин-работниц рассматривают свой труд как постоянное занятие, подобно мужчинам. Даже самый дряхлый из них приучен быть самостоятельным и независимым. Да, я знаю: в нашей экономической трясине трудно быть независимым, и все же самый последний из представителей мужского рода ненавидит паразитическое существование, или, во всяком случае, чтобы его таковым считали.

Женщина рассматривает свое положение работницы в качестве переходного, ожидая, что ее выкинут при первом удобном случае. Вот почему значительно сложнее организовать женщин, чем мужчин. «Зачем мне вступать в профсоюз? Я собираюсь замуж, у меня будет свой дом». Разве не об этом ей твердили с младенчества как о конечном призвании? Довольно скоро она узнает, что хотя дом и не столь огромен, как тюрьма, зовущаяся фабрикой, зато в нем куда более мощные двери и решетки. Да и хранитель его настолько предан своему делу, что от него ничто не ускользнет. Самое трагичное заключается, однако, в том, что дом больше не освобождает женщину от каторжного труда, а лишь увеличивает число ее обязанностей.

Согласно последним статистическим данным, представленным Комитету по труду, заработной плате и перенаселенности, десять процентов работниц в одном лишь Нью-Йорке состоят в браке, однако они вынуждены продолжать выполнять самую низкооплачиваемую в мире работу. Прибавьте к этому ужасу изнуряющий труд по дому — что тогда остается от «защищенности» дома и его славы? По сути дела, даже замужняя женщина из «среднего класса» не может говорить о своем доме, поскольку полным хозяином в нем является муж. Неважно, грубый или любящий муж. Я хочу сказать, что замужество обеспечивает женщину домом лишь благодаря ее мужу. Она переезжает в его дом и остается в нем на годы, пока ее личная жизнь не превратится в нечто вялое, ограниченное и скучное, как и ее окружение. Неудивительно, что женщина делается вздорной, мелочной, раздражительной, невыносимой, становится сплетницей, выгоняя тем самым мужа из дому. Ей же идти некуда, даже если бы она хотела этого. К тому же краткий период замужества и полного подчинения женщины делает ее совершенно непригодной к жизни. Она становится безразличной к собственной внешности, теряет легкость движений, не решается принимать решения, боится высказать суждение — то есть превращается в скучное существо, которое большинство мужчин ненавидит и презирает. Удивительно вдохновляющая атмосфера для того, чтобы в ней дать рождение новой жизни, не так ли?

Но как же защитить ребенка, если не посредством брака? В конце концов, разве это не самое важное соображение? Но какая пустота и лицемерие стоит за ним! Брак защищает детей, а в то же время тысячи детей оказываются без опеки и крыши над головой. Брак защищает детей, а в то же время детские дома и исправительные учреждения переполнены, а Общество защиты детей от насилия занято спасением маленьких жертв от их «любящих» родителей и передачей их в еще более заботливые руки попечительских организаций. Это просто насмешка!

Брак, быть может, может привести лошадь на водопой, но дает ли он когда-нибудь ей напиться? Закон может поместить отца ребенка под арест и обеспечить ему тюремную робу, но избавит ли он ребенка от голода? А если родитель сидит без работы или скрывается, чем поможет в этом случае брак? О законе говорят лишь когда человека надо представить на суд «справедливости», когда его надо поместить за тюремную решетку, но и в этом случае плодами его труда будет пользоваться государство, а не ребенок. Ребенку же достаются воспоминания о грязной полосатой робе папаши.

Что же касается защиты женщины, то здесь именно и лежит проклятие брака. Он вовсе не защищает ее, но сама эта идея вызывает настолько сильное отторжение, настолько она является дикой и противной по отношению к жизни, настолько унижительной для человеческого достоинства, что этот паразитический институт должен быть навеки проклят.

Это похоже на другой патерналистский договор — капитализм. Он крадет у человека права, данные ему с рождения, задерживает его развитие и рост, отравляет его тело, держит его в невежестве, нищете и зависимости с тем, чтобы затем учредить благотворительные общества, которые пышным цветом разрастаются на последних остатках человеческого самоуважения.

Институт брака превращает женщину в паразита, полностью зависимое существо. Замужество делает ее непригодной к борьбе, уничтожает ее общественное сознание, парализует воображение и затем любезно предлагает защиту, на деле являющуюся западней, пародией на человеческий характер.

Если материнство является высочайшим предназначением женской природы, какая еще нужна защита, кроме любви и свободы? Брак лишь оскверняет, оскорбляет и развращает это предназначение. Одно из его положений — «лишь следуя мне, ты дашь продолжение жизни». Эти установления обрекают женщину на плаху, унижают и стыдят ее, если она отказывается купить право материнства, продав себя. Только брак санкционирует материнство, даже зачатое в ненависти под принуждением. Если бы материнство было результатом свободного выбора, любви, страсти, смелого чувства, разве общество возлагало бы терновый венец на невинную голову и высекало кровавыми буквами этот отвратительный эпитет «незаконнорожденный»? Если бы брак вбирал в себя все добродетели, которыми его украшают, то преступления против материнства навеки вычеркнули бы его из сферы любви.

Любовь, сильнейшее и глубочайшее из того, что есть в жизни, предвестник надежды, радости, страсти; любовь, отрицающая любые законы и любые постановления; любовь, самый свободный и самый сильный творец человеческой судьбы, как может эта неукротимая сила уравнивать себя с тем жалким творением государства и церкви — с браком?

Свободная любовь? Как будто любовь может быть иной! Мужчина покупает разум, но все миллионы мира не купят любви. Мужчина подчиняет себе тело, но вся мощь земли не в силах подчинить себе любовь. Мужчина покорил целые народы, но любая армия бессильна перед любовью. Мужчина заковал и опутал дух, но он совершенно беспомощен перед

любовью. Высоко на троне, со всей роскошью и великолепием, которые способны обеспечить ему его золото, мужчина остается несчастным и одиноким, если любовь обходит его стороной. Но если она приходит к нему, лачуга последнего бедняка начинает светиться теплом, жизнью, светом. Только любовь обладает волшебной властью нищего сделать королем. Да, любовь свободна и не может существовать в иной атмосфере. В свободе она отдает себя бескорыстно, полностью, без остатка. Все законоположения, все суды вселенной не могут стереть любовь с лица земли, коль скоро она пустила на ней свои корни. Если же почва бесплодна, разве способен брак оплодотворить ее? Это лишь последняя отчаянная схватка ускользающей жизни со смертью.

Любовь не нуждается в защите; она сама себе защита. И пока любовь остается творцом жизни, ни один ребенок не окажется брошенным, голодным или замученным. Я знаю, что это правда. Я знаю женщин, избравших материнство вне замужества, хотя они любили отцов своих детей. Не так уж много «законных» детей наслаждаются той заботой, той защитой, тем вниманием, какие дарует свободное материнство.

Защитники власти страшатся возникновения свободного материнства, поскольку это их лишит их добычи. Кто будет воевать? Кто будет создавать богатство? Кто будет производить полицейских и тюремщиков, если женщины откажутся беспрекословно растить детей? Нация, нация! — кричат короли, президенты, капиталисты, священники. Нужно сохранять нацию, даже если женщина при этом превращается в простую машину. При этом институт семьи является единственным клапаном для выпуска пара, который позволяет избегать пагубного сексуального раскрепощения женщины. Но эти безумные попытки сохранить состояние порабощенности тщетны. Тщетны и эдикты церкви, и безумные атаки власть предержащих, и даже рука закона. Женщина более не желает быть частью производства расы больных, слабых, дряхлых и несчастных человеческих существ, у которых нет ни силы, ни нравственного мужества сбросить ярмо нищеты и рабства. Вместо этого она хочет иметь меньше детей, которых бы она растила в любви и воспитывала лучше, и чтобы это было результатом ее свободного выбора, а не принуждения, которое несет с собой брак. Нашим псевдо-моралистам еще только придется дорасти до глубокого чувства ответственности в отношении ребенка, которое проснулось уже в груди женщины благодаря любви к свободе. Она лучше откажется от радости материнства, чем принесет новую жизнь в мир, который дышит разрушением и смертью. И если она становится матерью, то для того, чтобы дать ребенку самое глубокое и лучшее, что есть в ней самой. Ее девиз — расти вместе с ребенком, и она знает, что только таким образом она может воспитать в нем подлинную мужественность или женственность.

Ибсен, должно быть, представлял себе свободную мать, когда мастерскими штрихами нарисовал портрет госпожи Альвинг [3]. Она была идеальной матерью, потому что она переросла рамки брака и все его ужасы, потому что она разбила цепи и позволила своему духу свободно воспарить, пока он не вернул ей личность, возрожденную и сильную. Увы, это произошло слишком поздно, чтобы спасти радость ее жизни, Освальда, но не слишком поздно, чтобы осознать, что любовь при условии свободы является единственным условием подлинно прекрасной жизни. Те, кто, как госпожа Альвинг, заплатил кровью и слезами за свое духовное преображение, осуждают брак как обман, пустое и мелкое издевательство. Они знают, что единственной творческой, вдохновляющей, возвышающей основой для

возникновения новой расы людей, нового мира является любовь, вне зависимости от того, продолжается ли она лишь недолго или длится вечно.

В нашем нынешнем поистине пигмейском состоянии, любовь и правда является чужой для большинства людей. Непонятая и отовсюду изгнанная, она редко пускает где-нибудь корни; а если это и происходит, то она вскоре сохнет и умирает. Ее нежная ткань не выдерживает стресса и напряжения повседневного изнурительного труда. Ее душа слишком сложна, чтобы приспособиться к мерзкому лаю нашей общественной структуры. Она плачет и страдает вместе с теми, кто так в ней нуждается, но в то же время не способен подняться до ее вершин.

Когда-нибудь мужчины и женщины поднимутся и взойдут на горную вершину, они встретятся, сильные и свободные, готовые испытать любовь и согреться в ее золотых лучах. Какое воображение, какой поэтический гений может, хотя бы приблизительно, предсказать возможности подобной силы в жизни людей? Если мир когда-либо и узнает истинное единение и близость, то родителем будет любовь, а не брак.

Версия #1
[redacted] [redacted] создал 11 апреля 2025 10:46:32
[redacted] [redacted] обновил 11 апреля 2025 10:46:49